

84(2=642)6
y 479

Ծոցոր
ԿԱՅԻՆԿԵՅ



ВЕЛИКИЙ ЕВРАЗИЕЦ



В 1958 году Ярослав Смеляков прочитал подстрочные переводы студента Литературного института Дондока Улзытуева и впал в такой восторг, что серьезно решил напечатать эти подстрочники, так сказать, в «натуральном виде», настолько они «сочились» и дышали поэзией. Правда, в конце концов «Пятнадцать песен» все-таки были переведены поэтом Евтушенко и увидели свет в журнале «Дружба народов». Таким блистательным был дебют Дондока Улзытуева в Москве...

К югу от Улан-Удэ в окруженье бурятских степей и плавных холмистых возвышений, на берегу небольшой речушки стоит древний бурятский улус Шибертуй. Здесь прошли детство и юность поэта. Здесь до сих пор живут его родные.

А когда я бродил босиком
по крутым берегам Шибертуя
и за радугой бегал бегом,
и свистел, подражая синицам,
молчаливый старик Шойсорон
повстречал мою мать и промолвил:
– Либо станет сказителем он,
либо просто чудным человеком.

Я перевел за годы нашей дружбы три книги его стихотворений. И это всегда радостная работа.

... Мы прощались ветреной осенней ночью на рокочущем аэродроме Шереметьево. Ветер трепал черные волосы Дондока, хлопал полами плаща... Объявили посадку.

– Я жду тебя, – сказал он мне. – Будем ходить по Бурятии пешком, от улуса до улуса. Никаких машин. В крайнем случае, на лошадах. Спасибо за книгу!

Много раз приглашал он меня в Бурятию. Много раз собирался приехать я к нему. В его степи. В его Шибертуй. Чтобы понять, откуда взялся поэт, который может петь, как птица, и рассуждать, как философ, одновременно. Даже в маленьком восьмистишии:

Там, где раскинул Хилок берега,
Тянется к небу гора Хайранга.



С другом, навеки живущим во мне,
Ныне встречаюсь только во сне.
Вижу – как трубка, дымится гора,
Вижу улыбку твою, как вчера.
Вижу сквозь дымку улыбку твою,
истину в близких чертах узнаю...

Через какое-то время после его отъезда я получил из Улан-Удэ письмо:

«Мой дорогой европеец!

Уже несколько дней сижу на берегу. Много раз проштудировал книгу Керама «Боги, гробницы, ученые», которую ты подарил мне прошлой осенью. Книга заворожила меня, взбудоражила всю душу, без того беспокойную. В детстве я копался в могильных курганах и находил разные штуки, которые мать повелевала выбрасывать вон. А сейчас я понял, что выбрасывал бусы из драгоценных камней, драгоценные украшения, не только ценности вообще, но и ценности археологические...»

Много раз, сидя у меня на кухне за бутылкой вина, под традиционным буддийским знаком, оберегающим дом от сглаза и от злых духов (знак этот Дондок начертил на стене во время одного из застолий), мы вели жаркие споры о прошлом и будущем наших народов, о судьбах России и Азии, о кровной и духовной связи, сложившейся между нами в незапамятные времена... Как хорошо говорил Дондок обо всем этом, с каким напряжением и вдохновением глядел в книгу истории. Читая, а порой угадывая, что в ней написано!

Но продолжу его письмо.

«...Под таинственными холмами моей земли лежат бесчисленные богатства. Ведь буряты – пришельцы на этой земле. Некогда на ее просторах процветала великая цивилизация какого-то народа, который в период ледников ушел неизвестно куда, может быть, на юг, может быть, к берегам Тихого океана и дальше на бесчисленные острова. Кто знает, те ацтеки, или тельтеки, или майя – может быть, это потомки тех, кто благоденствовал некогда на теплой земле Сибири?...»

Да не прочтут пристрастно и ревниво ученые-историки эти отрывки письма, потому что, если все и не так в свете науки, то кроме ее света есть свет поэзии, и той любви к земле и человечеству, который живет в словах Дондока Улзытуева.



«...Зачем ты занимался спортом? Зачем читал книгу Керама? Может быть, ты готовился выкопать и открыть неизвестную поныне цивилизацию, а может быть, тебе угодно было найти и вытащить на свет божий могилы Чингисидов?.. »

Не раз он говорил мне о том, что у бурят есть обычай бросать в речные воды статуи золотых и серебряных божков, словно для того, чтобы доказать, что не материальные символы, не предметы жизни и быта связаны с человеческой сущностью, а нечто непреходящее, что запечатлевается навеки в песнях, мифах, легендах и живет даже тогда, когда и народы и цивилизации рассыпаются в прах под напором времени. А когда я спросил его, почему никому неизвестно, где же эти могилы, почему остались только предания и имена, он ответил мне приблизительно так:

– Чингис, уверивший своих подданных в том, что он сын неба, должен был сделать все, чтобы люди поверили, что после смерти он взят на небеса, а потому и нельзя было ему оставить свою могилу на земле... Культ личности на самой последней ступени, отвергающий земное поклонение – пантеоны, гробницы, мавзолеи! *«...О! И вдруг является чужеземец страны, которая лежит в многих днях пути отсюда, и направляется прямо к нужному месту. Он берет палку и проводит линию: одну – сюда, другую – туда. «Здесь, – говорит он, – находится дворец, а там – ворота», – и показывает нам то, что всю жизнь лежало у нас под ногами. «Откуда узнал ты об этом – из книг? С помощью волшебства или тебе помогли твои пророки? Ответь мне, о белый человек из страны теней. Открой мне секрет твоей мудрости!»*

Вот какими словами – то серьезными, то шутливыми умел он беседовать с прошлым и будущим!

Послание заканчивалась так:

«Жду тебя, бледнолицый брат мой, жду не дождусь, когда ты появишься в этих краях. Ведь недаром ты носишь фамилию баев, о великий Кунихан. Берите заступы и мудрые приборы, белую бумагу и пишущее чудо, и снизойдите на обетованную землю моих предков! Кстати, где моя книга под названием «Большой перевал»? Не забывай об операции «С»...

Твой Дондок Улзытуев»...

Однажды я сказал ему:

– Дондок – ты замечательный поэт, ты себе цену знаешь, и я знаю ее. Но подумай – зачем беречь драгоценности в земле? Надо, чтобы люди знали о твоей родине, о ее прошлом и настоящем, о ее



месте в семье человеческой. Ты один из тех, кто может познакомиться мир с бурятской душой. Но учти, что мы живем в двадцатом веке, во время печатного слова, радио, телевидения, в эпоху массовой культуры. Не пустить ли нам твою поэзию на ее мельницу? Давай сделаем тебе прививку благородного честолюбия и начнем погоню за славой.

– Прекрасно! – воскликнул мой друг. – Надо уходить от степного одиночества и мне. Заключаем союз, а операцию по добыче славы зашифруем под кодом: операция «С»!..

Все мы сделали правильно: убедили друг друга во всем, составили планы, договорились, где, что и когда издавать (конечно, в большей степени все это было шутливой игрой!), да время распорядилось, как всегда, не по-нашему, а по-своему. От степного одиночества поэт ушел. От личного человеческого ему уйти не удалось...

Передо мною лежат несколько светло-зеленых школьных тетрадей, в которых Дондок долго записывал свои мысли и стихи, когда последние годы жил в старом домике в поселке Боярском, слушая шум ветра байкальских волн да перестуки редких поездов как напоминание о том, что время не стоит на месте. На первой странице тетради перечисление предметов, которые почему-то и как-то волновали его. Целый столбик слов, обозначающих что-то жизненно важное и необходимое для человека: «печь», «окна», «пол», «потолок», «лось», «звезды», «хлеб», «цветы», «снега», «третья встреча», «вино», «прощанье»... Зачем ему нужно было их перечислять? Чуть пониже – две скрещенных компасных стрелки, в окружности – указания стран света. Рядом в квадрате, нарисованном чернилами, название четырех ветров Байкала: «баргузин», «сарма», «култук», «шелоник».

Слова эти – словно бы вежи, затеси на деревьях, которые делает таежный охотник, чтобы не сбиться в тайге с дороги, чтобы вернуться обратно – к дому, к родным, к жизни, к истине. Дальше мелким почерком с исправлениями, зачеркнутыми словами и фразами идет текст подстрочного перевода:

Сын бескрайних степей и дремлющих курганов,
я шел всю жизнь к другому простору, Байкалу.
Долог был путь – обошел города и горы,
через море слов и снов пришел к тебе, море.



В черновиках этих стихотворений я вижу, как Дондок всей своей творческой волей хочет вечные мысли соединить с жизнью, не дать им разрушить все земное, что связано со словами «дом», «хлеб», «цветы»...

«Под звездами с Байкалом наедине я говорю на их языке. Большая Медведица – Семеро старцев, сколько вам лет? Сколько лет эти звезды в небе гадают о твоих судьбах, Байкал?»

Но задать такие вопросы – дело нелегкое для души человеческой, потому что не ответит на них, а только охладает от бессилия и потеряет вкус к огню, к хлебу, к теплой земле. Потому и бежит мысль Дондока по школьной тетрадке в линейку обратно к земным очагам и человеческим ценностям: «Избушка на берегу обрыва. От ветров и дождей почерневшие кедровые бревна. Полсотни лет тому назад ее срубил и поставил молодой обходчик с Урала...»

Так я и не побывал в этой избушке. А жаль...

«Мэндэ, мой широкоглазый!»

В последнее время я хотел написать что-то вроде «Великого сеятеля земли» М. Алексеева или «Мой Дагестан» Гамзатова. Очень отрадно, что не пытался все это излить в стихах; тогда – о Будда, от моего «Я» не осталось бы ничего, кроме глупой толстой оболочки навряде бы истертого баллона без камеры. Когда выйдет книжка, вышли несколько экземпляров срочно. Во время светлейшего писательского съезда держи себя загадочно, будто знаешь нечто такое, чего никто из них не знает. Надо бы немного еще напечатать стишки в центральных изданиях, продолжая операцию «С». Подстрочники будут. Готовься к лету.

Дондок»

Помню его рассказ о том, как буряты шли через тайгу в Петербург к Петру Великому на берега Последнего Моря – так они с незапамятных времен называли Балтику; как вела их сквозь тайгу знаменитая шаманка, и когда от голода и невзгод она умерла на полпути, то превратилась в птицу и продолжала, летя впереди, указывать путь своим соплеменникам. «Она была из рода Улзытэ», – закончил он. Слушая его, не хотелось разбираться в том, где правда, а где легенда, потому что все объединялось воедино с его поэтическим даром.

Как-то он привез в Москву свою мать – маленькую сухонькую старушку – и сразу повел ее в Мавзолей.

– Ты знаешь, – сказал он мне, – она поглядела на Ленина и говорит: «Я сразу его узнала!»



Однажды на каком-то литературном празднике мы с Дондоком очутились рядом в застолье. Проходило оно под открытым небом за сколоченными из свежих досок длинными столами в одной из бурятских деревень. После нескольких тостов буряты, зная, что Дондок ведет свою родословную от древнего шаманского рода, предложили ему погадать на бараньей лопатке.

Дондок, вглядываясь в линии, начерченные природой на кости, стал медленно предсказывать будущее:

– Дожди будут падать на ваши луга вовремя, и тепло вовремя будет приходить к вам... Стада ваши будут хорошо размножаться. Мужчины будут сильными, а женщины верными своим мужьям...

После каждой его фразы прокатывался гул одобрения.

– Дети ваши будут здоровыми, а семьи – многолюдными.

Когда под радостные возгласы он закончил обряд гадания, я потихоньку спросил его:

– Дондок, ты действительно умеешь гадать или наговорил от фонаря все, что пришло в голову?

Он повернул ко мне свое широкое лицо с улыбающимся ртом и грустными узкими глазами.

– Я действительно умею гадать. Бабка научила. Только, – он еще более сузил глаза, словно скрывая от меня их выражение, – как говорит баранья лопатка, многое из того, что я здесь вешал, случится наоборот.

Несколько раз я слышал от него мрачные и тревожные предсказания относительно будущего:

– Конец века, – говорил он еще в начале семидесятых, – будет отмечен яростными взрывами национализма, – и задумывался, впадая в длительное молчание.

В 1996 году Бурятия скромно отметила 60-летие со дня рождения Дондока. Обещали пригласить на праздник и меня. Но не получилось... Сбылось предсказание поэта, что «многое случится наоборот».

Ты умер, мой милый язычник
с монгольским строением глаз.
Крапива и тысячелистник
толкуют с тобою сейчас.
Ты вовремя, мой евразиец,
растаял в туманной дали,

ты счастлив не знать – что с Россией,
Последней надеждой земли.



Незадолго до смерти Дондок приехал в Москву и поселился в гостинице Центральной. На другой день мы с ним съездили в издательство, потом в редакцию журнала «Дружба народов», где оставили его стихи, переведенные мною. Словом, сделали все дела и расстались до завтра. Но поздно ночью в моей квартире зазвонил телефон.

– Бледнолицый брат мой! Мне очень худо, приезжай скорее! – Дондок уже был болен, о чем я догадывался, выглядел скверно – желтое лицо, мешки под глазами, постоянные жалобы на боли в боку... Я примчался в гостиницу.

В номере уже хозяйничала бригада «Скорой помощи», вызванная гостиничной дежурной. Дондок лежал на кровати с полузакрытыми глазами. Ему сделали какой-то обезболивающий укол, и медики уже собирались уезжать. Я остановил их:

– Куда вы? Разве можно его оставлять? Что с ним? – в ответ я услышал, что у Дондока, видимо, какое-то обострение, то ли диабета, то ли панкреатита.

– Так его надо в больницу везти! – возмутился я, видя по поведению врачей, что они больше не хотят возиться с каким-то бурятом.

– Проснется к утру и приступ пройдет!

– Да вы что, эскулапы! – чуть ли не закричал я. – Знаешь, кто он такой? Это великий поэт не только бурят-монгольского мира, но и всей Евразии! – тут Дондок открыл глаза и пробормотал:

– Ты прав, мой широкоглазый! Скажи им еще, что я гражданин Республики Монголия! – эскулапы схватились за телефон и быстрехонько нашли Дондоку место в одной из лучших московских клиник, откуда он вскоре вышел живым и здоровым.

Я часто думаю о том, что посмертная трагедия Дондока Улзытуева теснейшим образом связана с трагедией гибели Советского Союза. Если бы этой катастрофы не произошло, если бы сословие советских читателей – самых образованных и пытливых среди читателей всех времен и народов – сохранилось, то оно постепенно освоило бы и глубину и красоту поэзии Дондока, великого поэта не просто Бурятии, не только русского мира, но и всей великой Евразии... Размах мысли и чувства моего друга был поразителен!



Я спросил, обращаясь к великим цветам,
над которыми красное солнце восходило:
– О цветы бамбагаа, известно ли вам,
неужели погаснет золотое светило?
Неужели отец тридцати трех планет
превратится в холодный, безжизненный камень?
Неужели исчезнут закат и рассвет,
и земля в темноту и безмолвие канет? –

Бамбагаа, в молчанье склоняясь до земли,
головами под ветром спокойно качали,
подтверждали молчаньем вопросы мои,
подтверждали, но все-таки не отвечали.
И тогда у сверкающих звезд я спросил:
– Горящие звезды, скажите, неужто рокочет
ваше сердце в предчувствии жизненных сил,
и такое же Время над вами грохочет? –

Запрокинув лицо, я на звезды глядел,
слушал музыку сфер, слушал медленный рокот.
Но куда-то в пустое пространство летел
мой безмолвный вопрос – полукрик-полушепот.
В темноту,
 В мирозданье,
 В безмерную ночь
улетал и навек пропадал безвозвратно.

Видно, было ему не по силам. Невмочь
все понять и ко мне возвратиться обратно.
Но осталось в глазах у меня навсегда:
мимолетным виденьем прекрасным и странным, –
темноту рассекая, срывалась звезда,
пролетала и гасла намеком туманным.

Гениальное стихотворение юноши из улуса Шибертуй! Вот так умел Дондок разговаривать с планетами, с мирозданием, с вечно-

стью! Когда ему было нужно нащупать связь души человеческой с вечностью, он мог, словно волшебник, превращать явления «низкой» жизни в драгоценные перлы поэзии:



Запах навоза и теплой земли
ветры с полей принесли.
Женщине, дремлющей во дворе,
снятся горькие сны.
Ветер приносит с южных холмов
запах степных цветов
Женщине снится сон о любви,
лучший из горьких снов.

Станислав Куняев

ОГЛАВЛЕНИЕ



Великий евразиец. Ст. Куняев	5
Вы слышали когда-нибудь. Перевод Е. Евтушенко	14
Люди. Перевод Ст. Куняева	15
Напутствие. Перевод В. Леоновича	16
Утренняя песнь. Перевод Ст. Куняева	17
«Я слышал однажды...» Перевод Е. Евтушенко	19
«Если быть терпеливым...» Перевод Е. Евтушенко	21
«Песней без слов...» Перевод Е. Евтушенко	22
«Светает. Все торжественно и странно...» Перевод Е. Евтушенко	24
«Овечье бляенье, цветочный аромат...» Перевод Ст. Куняева	26
«В лесной глуши...» Перевод Е. Евтушенко	28
«Солнце было бешеное...» Перевод Е. Евтушенко	29
«Словно отара белых овец...» Перевод Ст. Куняева	31
Жаворонок. Перевод В. Леоновича	32
Облака. Перевод Ст. Куняева	33
«Под звездами в одиночестве...» Перевод Е. Евтушенко	36
«Я окнулся...» Перевод Е. Евтушенко	37
«Коровы пестрою толпой...» Перевод О. Чухно	38
«Чтобы собрать овец...» Перевод Е. Евтушенко	39
«Есть привычка у меня...» Перевод Ст. Куняева	40
«Над горою Хайрангой луна...» Перевод Ст. Куняева	41
Весенние стихи. Перевод Ст. Куняева	42
«Ты ведь знаешь, дорогая...» Перевод Н. Нимбуева	43
Песня. Перевод Ст. Куняева	44
«От запаха безымянного...» Перевод Е. Евтушенко	45
«Живет давно в уютной комнате...» Перевод М. Светлова	46
«Почему мне усталость...» Перевод Е. Евтушенко	47
«Одноколка закрипела...» Перевод Ст. Куняева	50
По склону левого холма. Перевод О. Чухно	51
По-бурятски «чибировь». Перевод Ст. Куняева	53
Дорога на запад. Перевод Ст. Куняева	54
Под небом Бухары. Перевод Ст. Куняева	56
О Москва! Перевод Ст. Куняева	58
Утро! Перевод Е. Евтушенко	59
«Рыжий щенок...» Перевод Е. Евтушенко	60
Отец и сын. Перевод Ст. Куняева	61
С берегов последнего моря. Перевод Ст. Куняева	65
Размышления о родном крае. Перевод Ст. Куняева	77
«На берегу речушки Белая Лошадь...» Перевод Ст. Куняева	80
«Вспомнил детство сегодня я...» Перевод Е. Евтушенко	81
Говорю с городом. Перевод Ст. Куняева	82
Горы вокруг Уральские. Перевод Е. Евтушенко	84
Волны Байкала! Перевод Е. Евтушенко	85
«Байкал, родное море, таинственные очи...» Перевод О. Чухно	86
«Проезжая пруды...» Перевод Е. Евтушенко	87



«Байкал, Байкал...» Перевод Е. Евтушенко	88
Возвращение. Перевод Н. Злотникова	89
«Но над Байкалом сегодня...» Перевод Е. Евтушенко	90
«Байкал беспокоен...» Перевод Е. Евтушенко	91
Дом на берегу Байкала. Перевод Ст. Куняева	92
«Пастух мой, вернулся к тебе я...» Перевод Е. Евтушенко	96
Путь. Перевод Ст. Куняева	97
По мотивам Николаса Гильена. Перевод Ст. Куняева	98
«Бегу по тропинкам таежным...» Перевод Ст. Куняева	99
«Куда ни глянь – горы вокруг...» Перевод Ст. Куняева	100
Песня о реке Аха. Перевод Ст. Куняева	101
«Камушек в речку кидаю...». Перевод Е. Евтушенко	102
«Крупные гуси...» Перевод Ст. Куняева	103
Хвала реке Джиде. Перевод О. Чухно	104
Шестнадцатилетняя девочка. Перевод Я. Смелякова	105
Юность. Перевод Н. Злотникова	106
«О цветы...» Перевод Е. Евтушенко	107
Шибертуй. Перевод Ст. Куняева	109
«В летний полдень, гуляя...» Перевод Е. Евтушенко	112
Скакун без узды. Перевод Ст. Куняева	113
Детство. Перевод М. Светлова	115
«Затянувшийся дождь, задержавшийся гость...» Перевод Ст. Куняева	116
«Под теми же звездами...» Перевод Е. Евтушенко	117
Бурятия. Перевод Е. Евтушенко	118
«Мэндээ!...» Перевод Е. Евтушенко	119
Русскому брату. Перевод Ст. Куняева	121
«В бурой долине белеют пятна...» Перевод Е. Евтушенко	122
«С грохотом лед ломает Хилок...» Перевод Е. Евтушенко	124
«В комнате теплой, где много...» Перевод Е. Евтушенко	127
Виндаря. Перевод Ст. Куняева	128
«Ты спишь, моя милая...» Перевод Е. Евтушенко	129
Сэсэг. Перевод Ст. Куняева	130
«Тепло и нежность на ее губах...» Перевод Ст. Куняева	133
«Ласково песню мурлыча...» Перевод Е. Евтушенко	134
«Опять и опять вспоминаю тебя...» Перевод Ст. Куняева	135
«Девяностолетний дед...» Перевод Ст. Куняева	136
Листья. Перевод М. Светлова	137
Приглашение в зиму. Перевод Ст. Куняева	138
«В этом зале шумящем...» Перевод Е. Евтушенко	139
«Звонко кричат кукушки...» Перевод Ст. Куняева	140
«Струны шанзы пальцами...» Перевод Е. Евтушенко	141
«Ветерок зашумел...» Перевод Ст. Куняева	143
«Музыкантка молодая...» Перевод Н. Нимбуева	144
«У подножья хребта снежного...» Перевод Е. Евтушенко	145
Тоонто. Перевод Ст. Куняева	146
Стихи о Закамне. Перевод Ст. Куняева	148
«Земля моя...» Перевод Е. Евтушенко	149



«Когда я щеками и телом...» Перевод Е. Евтушенко	150
Земля. Перевод Ст. Куняева	151
Мать. Перевод М. Светлова	153
Пламя гуляет по свету. Перевод Ст. Куняева	154
Братья. Перевод Ст. Куняева	155
«И вот теперь уже сквозь годы...» Перевод В. Леоновича	159
«Но в жару я не видел...» Перевод Е. Евтушенко	161
Избушка у берега. Перевод Ст. Куняева	162
«Огненные колесницы...» Перевод Ст. Куняева	164
Правая рука. Перевод Ст. Куняева	165
«Отелилась корова...» Перевод Е. Евтушенко	168
«Много горького горя...» Перевод Ст. Куняев	170
«Время движется величаво...» Перевод Ст. Куняева	171
«Блещет, как зеркало, светлый Байкал...» Перевод Ст. Куняева	172
Песнь нового года. Перевод Ст. Куняева	173
«Вечером грудастые тучи...» Перевод Е. Евтушенко	174
«Весенний ветер, пьяница...» Перевод Ст. Куняева	175
Песнь весны. Перевод Ст. Куняева	176
«На маленьком полустанке...» Перевод Ст. Куняева	177
Грусть. Перевод Ст. Куняева	178
«Солнце необходимо всему...» Перевод Ст. Куняева	179
«Эта старая кляча...» Перевод Ст. Куняева	180
Противоречие. Перевод Ст. Куняева	181
«Дунул горячий ветер...» Перевод Ст. Куняева	182
Летняя ночь. Перевод Ст. Куняева	183
Дождь. Перевод Ст. Куняева	184
Ласточка. Перевод Ст. Куняева	185
«Что за шум, что за шум над рекою поднят?...» Перевод Е. Евтушенко	186
«В дом к Сэнгээ входит счастье...» Перевод Ст. Куняева	188
«Далеко от людских пересудов...» Перевод Е. Евтушенко	189
«Как жилки камней...» Перевод Е. Евтушенко	190
Слово к ровесникам. Перевод Ст. Куняева	191
«Когда-то здесь...» Перевод Е. Евтушенко	195
Дума о дороге. Перевод Ст. Куняева	197
«В мире так много родственных душ...» Перевод Ст. Куняева	199
Наказ. Перевод Ст. Куняева	200
«Я спросил, обращаясь к весенним цветам...» Перевод Ст. Куняева	201
«Не время писать эпопеи...» Перевод М. Светлова	202
Пабло Неруде. Перевод Ст. Куняева	203
Дума. Перевод Ст. Куняева	204
Связь. Перевод Ст. Куняева	205
Песнь о Тахире. Перевод В. Леоновича	206
«Я мечтаю, что озеро Эйр...» Перевод Е. Евтушенко	207
«Мой дом...» Перевод Ст. Куняева	208
«Цветами покрытое детство...» Перевод Е. Евтушенко	210
«Храня в душе...» Перевод Е. Евтушенко	211
Жизнеописание. Перевод Ст. Куняева	212



Поэт. Перевод Ст. Куняева	214
Саяны. Перевод Ст. Куняева	215
«Что такое для них гармонический мир?...» Перевод Ст. Куняева	218
Синие ели. Перевод Ст. Куняева	219
«О, если б родился Великий певец...» Перевод Е. Евтушенко	221
«В те далекие годы...» Перевод Ст. Куняева	223
Итог. Перевод Ст. Куняева	225
«Мне сон приснился...» Перевод Е. Евтушенко	226
По мотивам старой народной песни. Перевод Ст. Куняева	227
«Просыпается степь...» Перевод Е. Евтушенко	229
«Степь оделась зеленой травой...» Перевод Ст. Куняева	232
Раздумья. Перевод Ст. Куняева	233

Восьмистишия

Напев. Перевод Ст. Куняева	236
Облик родины. Перевод Ст. Куняева	236
Тоонто. Перевод Ст. Куняева	237
Предсказание. Перевод Ст. Куняева	238
Не могу. Перевод Ст. Куняева	238
Закамна. Перевод Ст. Куняева	239
Вспоминаю свой край. Перевод Ст. Куняева	239
Весною. Перевод Ст. Куняева	240
Багульник. Перевод Ст. Куняева	240
Под луною. Перевод Ст. Куняева	241
Первая любовь. Перевод Ст. Куняева	241
Желанье. Перевод Ст. Куняева	242
Песня влюбленного. Перевод Ст. Куняева	243
Две девушки. Перевод Ст. Куняева	243
Доржима. Перевод Ст. Куняева	244
Три непонятных ночи. Перевод Ст. Куняева	244
Спящая. Перевод Ст. Куняева	245
На вершине Алханы. Перевод Ст. Куняева	246
Ожидание. Перевод Ст. Куняева	246
Что же будет? Перевод Ст. Куняева	247
Размышление. Перевод Ст. Куняева	247
Горная песня. Перевод Ст. Куняева	248
Грустный мотив. Перевод Ст. Куняева	249
Из песни. Перевод Ст. Куняева	249
Шутка. Перевод Ст. Куняева	250
Юность зовет. Перевод Ст. Куняева	251
Зимнее. Перевод Ст. Куняева	251
Памяти поэта. Перевод Ст. Куняева	252
Памяти друга. Перевод Ст. Куняева	252
Радуга. Перевод Ст. Куняева	253
Дед. Перевод Ст. Куняева	254
Встреча с матерью. Перевод Ст. Куняева	254
Одиночество. Перевод Ст. Куняева	255

Глаза. Перевод Ст. Куняева	256
Береза. Перевод Ст. Куняева	257
Мудрые перелетные птицы. Перевод Ст. Куняева	258
Дождливый вечер. Перевод Ст. Куняева	258
Сила времени. Перевод Ст. Куняева	259
Старик Баанти. Перевод Ст. Куняева	259
Монголка. Перевод Ст. Куняева	260
На берегу Байкала. Перевод Ст. Куняева	260
Жизнь под снегом. Перевод Ст. Куняева	261
Следы. Перевод Ст. Куняева	261
Растаяли снега. Перевод Ст. Куняева	262
Теплый день. Перевод Ст. Куняева	263
Круговорот. Перевод Ст. Куняева	263
Улыбка. Перевод Ст. Куняева	264
Апрель. Перевод Ст. Куняева	264
Рассвет. Перевод Ст. Куняева	265
Современная бурятская песня. Перевод Ст. Куняева	266

